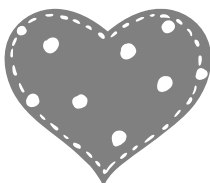

> МАТИС ТРАЛЪ >

О. ГЕНРИ

Дары волхвов

Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г34

О. Henry
THE GIFT OF THE MAGI

Перевод с английского

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Генри, О.
Г34 Дары волхвов : [перевод с английского] / О. Генри. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

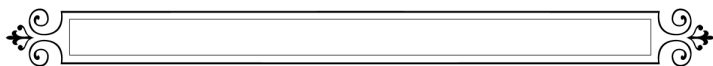
ISBN 978-5-04-250206-4

В книгу вошли рассказы известного американского писателя О. Генри, признанного мастера новелл с неожиданными развязками. Их герои — то просто «маленькие люди» большого Нью-Йорка, то легкомысленные и веселые художники и писатели, то парни из лихого бандитского района и их трогательно верные подруги, то обитатели Дикого Запада — ковбои, ранчеры, фермеры. Их сюжеты всегда захватывающе увлекательны, развязки — стремительны и неожиданны. Все они полны тонкого юмора, неожиданных сравнений и непредсказуемых развязок. Герои рассказов благородны и романтичны, изобретательны и находчивы, оптимистичны и жизнелюбивы и находят выход из любой ситуации.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Озерская Т., перевод на русский язык. Наследники, 2026
© Дехтерева Н., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Лорие М., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Матвеева А., перевод на русский язык, 2026
© Дарузес Н., перевод на русский язык. Наследники, 2026
© Бернштейн И., перевод на русский язык. Наследники, 2026
© Волжина Н., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Холмская О., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Галь Н., перевод на русский язык. Наследник, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-250206-4

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Вот и все, что было. И шестьдесят центов из них были мелочью. Мелочь эту выгадывали по одному и по два цента, торгуясь у бакалейщика, зеленщика и мясника, пока щеки не начинали гореть от молчаливого обвинения в скупости, которое подразумевал такой активный торг. Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра будет Рождество.

Очевидно, теперь ничего не оставалось, кроме как плюхнуться на маленький потертый диванчик и заплакать. Так Делла и поступила. Это порождает моральное суждение о том, что жизнь состоит из рыданий, всхлипываний и улыбок, причем преобладают всхлипывания.

Пока хозяйка дома постепенно переходит от первой стадии ко второй, давайте взглянем на дом. Меблированная квартира за восемь долларов в неделю. Это не такое уж бедное описание, но слово «бедный» определенно употреблялось отделом полиции по борьбе с попрошайками.

В передней внизу был почтовый ящик, в который было бы трудно просунуть даже одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которого палец ни одного смертного не смог бы извлечь ни звука. Рядом с кноп-

кой также была карточка с именем «Мистер Джеймс Диллингем Янг». Деньги на надпись «Диллингем» были брошены на ветер в прежний период процветания, когда ее обладателю платили тридцать долларов в неделю. Теперь, когда его доход сократился до двадцати долларов, надпись «Диллингем» выглядела размытой, как будто буквы всерьез подумывали о том, чтобы сократиться до скромной и непритязательной буквы «Д». Но всякий раз, когда мистер Джеймс Диллингем Янг возвращался домой и поднимался в свою квартиру наверху, его звала «Джим» и крепко обнимала миссис Джеймс Диллингем Янг, уже представленная вам как Делла. И все это было очень хорошо.

Делла прекратила плакать и промокнула щеки пуховкой для пудры. Девушка стояла у окна и меланхолично смотрела на серую кошку, прогуливающуюся вдоль серого забора на сером заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее остался всего доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она откладывала каждый цент, который могла сэкономить, в течение нескольких месяцев, и вот результат. Двадцать долларов в неделю — это не так уж много. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. Так всегда бывает. Всего доллар восемьдесят семь центов на подарок для Джима. Для ее любимого Джима. Как много счастливых часов она провела, придумывая для него какой-нибудь приятный подарок. Что-то прекрасное, редкое и безупречное — что-то хоть немного близкое к тому, чтобы быть достойным чести принадлежать Джиму.

Между окнами комнаты стояло трюмо. Возможно, вам доводилось видеть трюмо в квартире за восемь долларов. Лишь очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая за быстрой сменой своих отражений в продольных узких зеркалах такого трюмо, составить до-

вольно точное представление о своей внешности. Делла, будучи стройной, овладела этим искусством.

Внезапно она резко отвернулась от окна и встала перед зеркалом. Ее глаза ярко блестели, но лицо побледнело за двадцать секунд. Она быстро распустила волосы, и они упали ей на плечи.

Нужно сказать, супруги Джеймс Диллингем Янг обладали двумя ценными предметами, которыми оба очень гордились. Одним из них были золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду. Другим их достоянием были волосы Деллы. Если бы царица Савская жила в комнате, выходящей окнами на внутренний дворик, Делла, однажды помыв волосы, могла бы сушить их у своего окна, просто чтобы обесценить драгоценности и подарки ее величества. Если бы царь Соломон был дворником, хранившим свои сокровища в подвале, Джим доставал бы свои часы каждый раз, когда проходил мимо него, просто чтобы посмотреть, как царь рвет на себе бороду от зависти.

Так вот, сейчас прекрасные волосы Деллы ниспадали на ее фигуру, струясь и блестя, как каскад каштановых вод. Длинной они были ниже колен и укрывали ее, как одежда. А потом Делла снова стала их собирать в прическу, нервными и быстрыми движениями. Но вдруг она на минуту заколебалась и замерла, и пара слезинок упала на потертый красный ковер.

Она накинула свой старый коричневый жакет, надела свою старую коричневую шляпку и с шелестом юбок и все еще блестящими от слез глазами выпорхнула за дверь, а потом спустилась по лестнице на улицу.

Табличка, перед которой она остановилась, гласила: «Мадам Софроні. Товары для волос всех типов». Делла взбежала на второй этаж и, тяжело дыша, пришла в себя.

Мадам, крупная, дебелая и холодная, едва ли походила на Софрони.

— Вы не купите мои волосы? — спросила Делла.

— Я покупаю волосы, — сказала мадам. — Снимите свою шляпку, давайте взглянем на них.

Каштановый каскад заструился сверху вниз.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, взвесив массу волос опытной рукой.

— Поскорее дайте мне их, — сказала Делла.

О, следующие два часа пролетели как на розовых крыльях. Не обращайтесь внимания на эту избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка Джиму.

Наконец она нашла его. Он, несомненно, был создан для Джима, и ни для кого другого. Ни в одном из магазинов не было ничего подобного, а она перевернула их все вверх дном. Это была платиновая цепочка для часов, простая и сдержанная по внешнему виду, должным образом заявляющая о своей ценности только своей сутью, а не вычурными украшениями, как и положено всем хорошим вещам. Цепочка даже была достойна часов. Как только Делла увидела эту вещь, то сразу поняла, что она должна принадлежать Джиму. Цепочка была такой же, как он. Неброская и ценная — это описание подходило к ним обоим. За цепочку с нее взяли двадцать один доллар, и она поспешила домой с восемьюдесятью семью центами. С такой цепочкой для часов Джиму было бы не стыдно проверять время в любой компании. Какими бы роскошными ни были сами часы, он иногда поглядывал на них лишь украдкой — из-за старого кожаного ремешка, который он использовал вместо цепочки.

Когда Делла добралась до дома, ее радостное возбуждение немного отступило перед благоразумием и здравым смыслом. Она достала шипцы для завивки, зажгла

газ и принялась за дело, устраняя ущерб, нанесенный щедростью вкупе с любовью. А это всегда огромный труд, дорогие друзья, просто гигантский труд.

Через сорок минут ее голова покрылась упругими крошечными кудряшками, которые делали ее удивительно похожей на прогуливающего уроки школьника. Она долго, внимательно и критически разглядывала свое отражение в зеркале.

«Если Джим не убьет меня сразу, — сказала она себе, — прежде чем он меня получше разглядит, он скажет, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что я могла поделать — о! что я могла купить на доллар и восемьдесят семь центов?»

В семь часов кофе был сварен, а сковорода стояла на плите, нагретая и готовая к приготовлению отбивных.

Джим никогда не задерживался. Делла зажала цепочку в руке и села на угол стола рядом с входной дверью. Затем она услышала его шаги на лестнице первого этажа и на мгновение побледнела. У нее была привычка читать маленькие тихие молитвы, прося о чем-то самом простом и повседневном, и сейчас она прошептала: «Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы он не перестал считать меня хорошенькой».

Дверь открылась, вошел Джим и закрыл ее за собой. Он выглядел исхудавшим и очень серьезным. Бедняга, ему было всего двадцать два года — а он уже был обременен семьей! Ему нужно было новое пальто, и у него не было перчаток.

Джим неподвижно замер в дверях, как сеттер, почувший перепелку. Его глаза были прикованы к Делле, в них появилось такое выражение, которое она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни неодобрение, ни ужас, ни какая-либо другая

эмоция, к которой она была готова. Он просто пристально смотрел на нее с этим странным выражением лица.

Делла соскользнула со стола и подошла к нему.

— Джим, дорогой, — воскликнула она, — не смотри на меня так. Я остригла волосы и продала их, потому что не смогла бы пережить это Рождество, если бы не подарила тебе подарок. Они снова отрастут — ты ведь не будешь возражать, правда? Я просто должна была это сделать. Мои волосы растут очень быстро. Скажи «Счастливого Рождества!», Джим, и давай будем счастливы. Ты не представляешь, какой хороший... какой прекрасный, славный подарок я приготовила для тебя.

— Ты остригла свои волосы? — спросил Джим с трудом, как будто он еще не осознал этот очевидный факт даже после тяжелейшего умственного напряжения.

— Остригла и продала, — сказала Делла. — Разве я тебе не нравлюсь так же, как прежде? Я все та же, пусть и с короткими волосами, не так ли?

Джим с удивлением оглядел комнату.

— Так ты говоришь, твоих длинных волос больше нет? — спросил он с немного глупым видом.

— Не ищи их, — сказала Делла. — Говорю тебе, они проданы — проданы и их больше нет. Сегодня канун Рождества, мой мальчик. Будь снисходителен, ведь я сделала это ради тебя. Может быть, волосы на моей голове все сочтены¹, — продолжала она с внезапной серьезностью в нежном голосе, — но никто никогда не сможет измерить мою любовь к тебе. Так мне поджарить тебе отбивные, Джим?

Джим словно внезапно очнулся от транса. Он обнял свою Деллу. Давайте скромно отвернемся на десять секунд

¹ Евангелие от Луки, 12:7. — *Примеч. пер.*

и рассмотрим какой-нибудь несущественный посторонний предмет. Есть ли разница между восемью долларами в неделю или миллионом в год? Математик и остряк дали бы вам неправильный ответ на этот вопрос. Волхвы принесли ценные дары, но такого подарка среди них не было. Это непонятное утверждение будет объяснено позже.

Джим вытащил из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не сомневайся, Делл, — сказал он, — насчет меня. Я думаю, ничто, будь то стрижка или шампунь, не могло бы заставить меня разлюбить мою девочку. Но если ты развернешь этот сверток, то, возможно, поймешь, почему поначалу я был в замешательстве.

Белые проворные пальцы порвали бечевку и бумагу. А затем восторженный возглас радости; а далее — увы! — быстрая женская смена настроения на истерический плач и всхлипывания, что потребовало от хозяина дома немедленного применения всех средств утешения.

Ведь там лежали гребни — набор гребней, боковой и задний, на которые Делла так давно с благоговением засматривалась в витрине на Бродвее. Красивые, настоящие черепаховые гребни с украшенными драгоценными камнями ободками — у них как раз тот оттенок, который так бы подошел к красивым отрезанным волосам. Она знала, что это были дорогие гребни, и ее сердце просто жаждало их и тосковало по ним без малейшей надежды на обладание. И теперь они принадлежали ей, но локоны, которые эти желанные предметы должны были украшать, исчезли.

Но Делла прижала их к груди, и, когда наконец смогла поднять затуманенные глаза, она улыбнулась и сказала:

— У меня так быстро растут волосы, Джим! — И, вскочив, как ошпаренная кошечка, воскликнула:

— О, о!

Джим еще не видел своего прекрасного подарка. Она с предвкушением протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заблестел, отражая вспышку ее оживленного настроения.

— Разве это не шикарная вещь, Джим? Я искала ее по всему городу и нашла. Теперь ты сможешь смотреть на часы хоть по сто раз на дню. Дай мне свои часы. Я хочу увидеть, как они будут смотреться вместе.

Вместо того чтобы подчиниться ее просьбе, Джим повалился на диван, заложил руки за голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — давай уберем наши рождественские подарки и некоторое время придержим их у себя. Они слишком хороши, чтобы пользоваться ими прямо сейчас. Я продал часы, чтобы добыть денег на покупку твоих гребней. А теперь, думаю, тебе надо поджарить отбивные.

Волхвы, как вы знаете, были мудрецами — на редкость мудрыми людьми, — которые принесли дары младенцу в яслях. Они и придумали традицию дарить рождественские подарки. Так как они были мудрыми, их дары, без сомнения, были им под стать, вероятно, с возможностью обмена в случае одинаковых подарков. И вот я простыми словами дал вам незатейливое описание жизни двух глупых юных созданий из меблированной комнаты, которые самым неразумным образом пожертвовали друг для друга своими главными сокровищами. Но да будет сказано в качестве назидания мудрецам наших дней, что из всех людей, дарящих подарки, эти двое были мудрейшими. Из всех, кто дарит и получает дары, мудрее всех такие люди, как они. Мудрее всех и повсюду. Они и есть волхвы.

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

Когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы. Такова предпосылка. Наш рассказ явится выводом из этой предпосылки и вместе с тем ее опровержением. Это будет оригинально и ново с точки зрения логики, а как литературный прием — лишь немногим древнее, чем Великая Китайская стена.

Джо Лэрреби рос среди вековых дубов и плоских равнин Среднего Запада, пылая страстью к изобразительному искусству. В шесть лет он запечатлел на картоне городскую водокачку и одного почтенного обывателя, в большой спешке проходящего мимо. Этот плод творческих усилий был заключен в раму и выставлен в окне аптеки рядом с удивительным початком кукурузы, в котором зерна составляли нечетное количество рядов. Когда же Джо Лэрреби исполнилось двадцать лет, он, свободно повязав галстук и потуже затянув пояс, отбыл из родного города в Нью-Йорк.

Дилия Кэрузер жила на Юге, в окруженном соснами селении, и звуки, которые она умела извлекать из шести октав фортепьянной клавиатуры, порождали столь большие надежды в сердцах ее родственников, что с помощью последних в ее копилке собралось достаточно денег для поездки на Север с целью завершения музыкального образования. Как именно она его завершит, ее родственники предугадать не могли... впрочем, об этом мы и поведем рассказ.

Джо и Дилия встретились в студии, где молодые люди, изучающие живопись или музыку, собирались, чтобы потолковать о светотени, Вагнере, музыке, творениях Рембрандта, картинах, обоях, Вальдтейфеле, Шопене и улонге¹.

¹ Улонг — сорт китайского чая.

Джо и Дилия влюбились друг в друга или полюбились друг другу — как вам больше по вкусу — и, не теряя времени, вступили в брак, ибо (смотри выше), когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы.

Мистер и миссис Лэрреби сняли квартиру и стали вести хозяйство. Это была уединенная квартирка, затерявшаяся в каком-то закоулке подобно самому нижнему ля-диез фортепьянной клавиатуры. Супруги были счастливы. Они принадлежали друг другу, а Искусство принадлежало им. И вот мой совет тому, кто молод и богат, — продай имение твое и раздай нищим... а еще лучше — отдай эти денежки привратнику, чтобы поселиться в такой же квартирке со своей Дилией и своим Искусством.

Обитатели квартирков, несомненно, подпишутся под моим заявлением, что они самые счастливые люди на свете. Дом, в котором царит счастье, не может быть слишком тесен. Пусть комод, упав ничком, заменит вам бильярд, каминная доска — трюмо, письменный стол — комнату для гостей, а умывальник — пианино! И если все четыре стены вздумают надвинуться на вас — не беда! Лишь бы вы со своей Дилией уместились между ними. Ну а уж если нет в вашем доме доброго согласия, тогда пусть он будет велик и просторен, чтобы вы могли войти в него через Золотые Ворота, повесить шляпу на мыс Гаттерас, платье — на мыс Горн и выйти через Лабрадор!

Джо обучался живописи у самого великого Маэстри. Вы, без сомнения, слышали это имя. Дерет он за свои уроки крепко, а обучает слегка, что, вероятно, и снискало ему громкую славу мастера эффектных контрастов. Дилия училась музыке у Розенштока — вы знаете, конечно, какой широкой известностью пользуется этот возмутитель покоя фортепьянных клавиш.

Джо и Дилия были очень счастливы, пока не прожили всех своих денег. Так оно всегда... но я не хочу показаться циником. Стоявшая перед ними цель была им совершенно ясна. Джо в самом непродолжительном времени должен был написать такие полотна, ради обладания которыми пожилые джентльмены с тощими бакенбардами и толстыми бумажниками будут лупить друг друга кистенем по голове у него в мастерской. Дилия же должна была познать все тайны Музыки, затем пресытиться ею и приобрести обыновение при виде непроданных мест в партере или в ложах лечить внезапную мигрень омарами, уединившись в своих личных апартаментах и отказываясь выйти на эстраду.

Но прекраснее всего, на мой взгляд, была сама их жизнь в маленькой квартирке: горячие, увлекательные беседы по возвращении с уроков; уютные обеды вдвоем и легкие, необременительные завтраки; обмен честолоубивыми мечтами — причем каждый грезил не столько своими успехами, сколько успехами другого; взаимная готовность помочь и ободрить и — да простят мне неприязнательность моих вкусов — бутерброды с сыром и маслины перед отходом ко сну.

Однако дни шли, и высоко поднятое знамя Искусства бессильно повисло на своем древке. Так оно бывает порой, хотя знаменосец и не виноват. Всё из дома, и ничего в дом, как говорят грубые, одержимые практицизмом люди. Не стало денег, чтобы оплачивать ценные услуги мистера Маэстри и герра Розенштока. Но когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы. И вот Дилия заявила однажды, что намерена давать уроки музыки, так как нужно свести концы с концами.

День за днем она уходила из дома вербовать учеников и наконец однажды вернулась домой к вечеру в очень приподнятом настроении.